

# МИНИСТЕРСКАЯ ДРАМА

Капля театры Туркмени и Таджики. С. Сафаров

В ПЕРВЫЕ мне довелось побывать в Министерстве культуры Туркмени весной 1982 года. Уже тогда бросилась в глаза одна деталь: иные из руководителей, называя при знакомстве свою должность, добавляли — «драматург». И звучало как-то странно: министр — драматург, зам. министра — драматург, главный редактор репертуарной коллегии — драматург... То же самое повторилось и в Министерстве культуры Таджикистана. Здесь тоже среди руководства — драматургическое поветрие.

Согласитесь, есть над чем задуматься. Увиденные в театрах этих республик спектакли добавляли пицци для размышлений. Не столько эстетического, сколько нравственного порядка. Потому что — и результаты моей командировки это подтверждает — у пьесы, написанной министром или другим должностным лицом из руководящих сфер, несравненно больше шансов быть поставленной на сцене, чем у сочинения рядового драматурга.

Творчество должностных лиц многогранно: пишут либретто к операм и балетам, сценарии детских праздников и официальных торжеств, но особый интерес вызывают почему-то пьесы на моральную тему.

В текущем репертуаре Туркменского академического театра им. Молланепеса на сегодняшний день семь пьес министра культуры А. Мамилева и Б. Суханова — недавнего главного редактора репертуарной коллегии. Семь из тридцати — четверть репертуара. Впрочем, это не совсем точно. В репертуаре половина спектаклей только числится, и, значит, семь — это почти 50 процентов.

«К сожалению, спектакли погодинской Ленинины: «Кремлевские куранты», «Человек с ружьем», «Третья патетическая», переходя в текущий репертуар из года в год, почти совсем не показываясь зрителю на стационаре, не говоря о вывозе их на гастроли», — говорится в справке министерства о работе театров, подготовленной для Президиума Верховного Совета республики.

«К сожалению!» Если из реально существующих пятнадцати спектаклей семь — пьесы министра и его заместителя да три-четыре — членов совета по драматургии, то это уже 75 процентов. Получается, что заняли всю афишу и «сожалуют» об этом.

Безразличность в том, что пьеса, написанная министром, при тех порядках, которые им же заведены, обречена быть купленной. Кто рискует счесть пьесу своего руководителя плохой и бескомпромиссной?

Технология извлечения выгоды из своего служебного положения проста.

Можно объявить закрытый конкурс и пригласить самих себя участвовать. Можно нужному автору оформить госзаказ на пьесу нужной тематики. Тут есть множество нюансов. Можно купить, скажем, еще не существующую пьесу — это называется «дать аванс» (когда 600 рублей, а когда и тысячи). Появится ли она на свет и какой окажется, неважно. Не появится — ну и ладно. Появится — автору доплатят еще полторы-две тысячи. В остальных случаях надо, чтобы «министершу» (будем так называть пьесы, сделанные сотрудниками министерства) принял к постановке какой-нибудь театр. Театр пишет официальное письмо: хотим поставить такую-то пьесу — этого довольно, чтобы автору был выплачен гонорар.

Итак, министерская пьеса не знает осечек в реализации. Деньги кончатся? Не беда. Есть еще фонд на покупку пьес для самодеятельности, фонд вдвое больший, чем для профессионалов. И все «министерши» поплотнее оплачиваются оттуда. И денег там больше, и формальностей меньше.

Передо мной список произведений, купленных для театров, к примеру, Министерством культуры Узбекистана. Из ста названий, против 20 стоит «не осуществлена», 20 из 100 оказались никому не нужны, а деньги за них получены полностью.

«Не осуществлена» — прямое признание неудачи. Но «осуществлена» — не означает успеха. Часто это формальное, ложное «осуществление» — речь о спектаклях, показанных на сцене один-два раза. Вот и выходит, театры дают фальшивки, потом осуществляют фальшпостановки. Фальшивое письмо — 3 тысячи рублей автору, фальшивая постановка — еще десять тысяч убытка государству.

С самодеятельностью еще проще. В художествах, решающих, что купить, заседают знакомые лица — заместители министра и главные редакторы репертуарных коллегий, но нет ни единого представителя самодеятельности — поэтому единогласие обеспечено. Купили созданную в министерстве пьесу, потом предлагают «ставить». Выезжает «толкач» в райцентр и, нажимая на все местные педали, понуждает ставить, порой откровенно заявляя: «Один раз сыграете и — свободны!» Так на аморальный компромисс толкают любителей. А любители хотели бы играть только любимое. Ведь они репетируют для удовольствия и радости. Впрочем, почему только любители? Разве профессионалы обязаны играть то, что представляется им халтурой? Нет, не обязаны. Но... играют.

Заместитель заведующего отделом культуры ЦК Компартии Туркмени О. Кузьмин выразил по этому поводу вполне откровенно: «Поставят, один раз сыграют и снимут — публика, мол, не идет. Махинации, прямо надо сказать».

АНАЛИЗИРУЯ явление, постараемся обойтись без распыляемых эстетических оценок, которые побуждают опытных людей сразу хвататься за испытанные оружие: обвинять противника в субъективности взглядов и оценок. Авторы пьес обязательно скажут: «Нас печатают там-то, ставят там-то, хвалят, отмечают премиями, а ему не нравится! Да кто он такой? Кто? Зритель. Хожу в театры, смотрю, сравниваю, делаю выводы. Да и одинок ли я в своих сомнениях? Сегодня, когда идет бескомпромиссная, острая борьба с негативными тенденциями, следует сказать открыто и о таком специфическом использовании служебного положения, которое пытается выдать себя за творчество, искусство. С этим сталкиваешься не только в театре, но и в кино, в музыке, в литературе... С иронией мы говорим о «секретарской литературе», то есть о том, что у нас есть литераторы, у которых печатают все, что ими написано, независимо от качества только потому, что они занимают положение в Союзе писателей. О такого рода явлениях упоминали и на V съезде кинематографистов.

В афише московских гастролей Туркменского академического театра им. Молланепеса было пять названий. Из них 2 пьесы А. Мамилева, министра культуры, еще две — других ответственных товарищей и одна... В. Шекспира — драматурга.

В афише московских гастролей Таджикского молодежного театра были спектакли «Сорян» по пьесе заместителя министра культуры С. Сафарова и «Гвоздика» Н. Исламова, и. о. главного редактора репертуарной коллегии министерства.

А как вы считаете, где наиболее выгодно показывать пьесы, написанные министерскими и другими ответственными работниками? В классическом здании столичного театра или в кузове грузовика возле сельсовета?

На стационаре пьеса идет два-три раза в месяц. От сбора автор получает свои проценты. Но надо еще зрителей найти. А на ве-

сенне-осенних гастролях, где «министершу» прокатывают до 90 раз, стоимость выездного спектакля стабильна. Вне зависимости от числа зрителей — 500 рублей. Сбор — 45 тысяч. Автору опять же — его доля. На дневной спектакль в колхозный клуб привозят на автобусе зрители из соседнего хозяйства. Сколько их может быть, людей, свободных от сельскохозяйственного дна? Тем не менее с каждого хозяйства по 500 рублей. Вечером еще спектакль — в третьем колхозе. За день — полторы тысячи. Иногда деньги берут у колхоза в долг. «Дайте сейчас 500, а спектакль когда-нибудь сыграем». Поднажмешь — дают.

Но колхоз еще можно понять. Бывает, спектакль покупает частник. По указанию Мамилева-министра театр принимает в кассу 500 рублей и везет пьесу «Останковка «Любовь» Мамилева-драматурга к покупателю на дом, на свадьбу дочери. Но дограть не получается. В разгар действия в мизансцену вламывается добродушный счастливый отец: «Молодцы, рахмат, хватит, плов уже готов». Плачет Мельпомена. Гости, восхитенные выдумкой хозяйки, погружают пальцы в плов. В план театру идет еще один спектакль.

Одного режиссера я спросил, стояло ли ставить «министершу».

— Стояло, — он закатил глаза и воздел руки, — очень дорого стоило. 20.000 потратили, а сыграли один раз: публика разбежалась.

Народный артист Таджикской ССР публично заявил в глаза автору пьесы-подделки первому заместителю министра Сафарову: «Мне невыносимо стыдно произносить текст! Убери эти фразы!» — «Нельзя!» — «Почему?!» — «А что тогда останется от образа?»

Мощный, видно, образ. Кстати сказать, Сафаровым, как он сам заметил, написано «более 25 пьес. Все они куплены, поставлены, изданы...».

В Таджикском академическом театре им. Лахути мы беседовали четвером: директор, секретарь партбюро, главный режиссер и я. Вот общий смысл сказанного моими собеседниками:

— Министерство заставляет ставить две-три современные национальные пьесы в год. Были бы хорошие — и пять, и шесть ставили бы с радостью... Рухнутся все планы. Министерство навязывает пьесу: «Приступили в январе, сдать спектакль в апреле!» А режиссер с актерами только переписывают ее до мая! Не работает с автором, а работа за автора. Сроки завазели, выговор театру. А Сидки принес несколько лет назад пьесу «Тень дьявола на стене» — мы отвергли. Но недавно Сидки стал главным редактором репертуарной коллегии министерства и одновременно председателем совета по драматургии. И 24 апреля (заметьте, сего года!) руководство театра пригласили в министерство, и начальник управления искусств А. Нигамов приказал: «Ставьте «Тень дьявола!» И никаких возражений!» — «Но у нас утвержденный репертуарный план!» — «Меняйте!».

Это было вчера. А сегодня мои собеседники советуются при мне: может, выбросить «Горе от ума»?

ТОЛЬКО за один год Н. Исламов — исполняющий обязанности главного редактора репертуарной коллегии, купил две пьесы у зам. министра Сафарова, две пьесы у Сидки и две — у самого себя. Сегодня должность перешла к Сидки, и он первым делом сбросил старую, когда-то отвергнутую пьесу. Знал — дорастет Театр им. Лахути до понимания его творчества. Жил в Узбекистане драматург А. Ибрагимов. Стал в 1984 году главным редактором репертуарной коллегии Министерства культуры республики. И... пошел сразу в семи театрах. Бывало и так: руководящий автор прибы-

вает в театр на сдачу спектакля худсовету. А после прогона на сцене начинается спектакль в кабинетах, который развивается примерно по такой схеме:

Главреж. Не готово. Пьесу надо доработать. Автор. Я лично разрешаю играть!

Главреж звонит министру, излагает дело. Министр решает: доработать. Автор идет к министру. Министр звонит в театр: играть! Главреж идет к министру. Министр: доработать! Автор, как ответственный работник министерства, идет к министру: играть!

Кто же в итоге победил? Автор. А строптивому главрежу пришлось уйти.

Не могу удержаться еще от одного примера. В репертуаре Туркменского академического театра им. Молланепеса за 1983 год значится: «Капля воды — крупница золота» по роману Б. Кербабаева. В документе 1984 года стоит: «Б. Кербабаев, А. Мамилев. «Капля воды — крупница золота». Как видим, скромный поначалу инсценировщик стал соавтором покойного классика. Но еще не все. 1985 год. «А. Мамилев, «Капля воды — крупница золота». Один остался. И в закулисной ведомости один.

Какой скоротечный процесс! Но и это еще не все. Вот сообщение: Государственная премия Туркменской ССР им. Махтумкули за 1983 — 1984 годы присуждена А. Мамилеву — за создание образов современников в спектакле «Капля воды — крупница золота». Как это могло случиться? Очень просто. Автор — не только министр культуры, но и член Комитета по Госпремиям.

Есть, конечно, и положительные факты. В Театре им. Хамзы «Бунт невесток» С. Ахмада прошел уже выше 750 раз — и все с аншлагом! С аншлагом идет «Эдип» Софокла в Театре им. Лахути. Но ни одной удаче, связанной с постановкой «министерш», мы — увы! — назвать не можем.

Добавим, постановщик «Бунта невесток» был тем строптивым режиссером, которого «ушли» из театра. А «Эдип» появился после почти 20-летних попыток прекрасного актера Хашима Гадоева добиться разрешения на постановку.

КОНЕЧНО, проще получить разрешение на постановку пьесы, написанной министром. Только проще — еще не значит лучше. Для театра. Для нас, зрителей.

«Я совершенно не удовлетворен своей драматургией... Это не пьесы для пролетариата — в них слишком много литературы, в них слишком много «от лукавого», и в огромном большинстве случаев пролетарии это прекрасно чувствуют... я в полной мере сознаю, что для пролетариата, для народа надо писать проще, монументальнее, жизненное, решительно не могу этого сделать». Так отзывался о своих пьесах нарком просвещения А. В. Луначарский. Но это, как говорится, к слову.

Хочу быть понятым правильно. И среди министров могут быть талантливые драматурги. Но когда создание пьес становится второй профессиональной должностных лиц повально — это не может не тревожить.

Вечером в Душанбе, в Театре им. Лахути, было всего 36 человек. В антракте я начал знакомиться:

— Вы школьники?  
— Нет, мы студенты!  
— А как сюда попали?  
— Нам в училище билеты принесли, уговорили взять. Это недорого, по 50 копеек.  
— Но ведь билеты по рублю?  
— А нам продают один на двоих, все равно никто не берет.

Этот разговор я привожу вместо морали...

Александр МИНКИН,  
наш спец. корр.  
АШАХАБАД — ДУШАНБЕ — ТАШКЕНТ.